

Политология. Международные отношения

УДК 327.7(045)

К.М. Табаринцева-Романова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ИНСТРУМЕНТА «МЯГКОЙ» СИЛЫ

В статье рассматривается «трансформация» концепта «защита культурного наследия» в контексте текущих международных отношений. Развитие в современном политологическом дискурсе таких теорий, как секьюритизация культурного наследия, «геокультурная» сила, дипломатия культурного наследия позволяет нам говорить об изменении, а точнее о расширении смысла термин-поля «защита культурного наследия». На основе анализа научных работ, посвященных исследованию роли культурного наследия в международных политических процессах, а также специализированных докладов ЮНЕСКО о связи целей устойчивого развития ООН и культуры в целом, и отчетов некоторых профильных структур (например, Британский совет) можно сделать следующие выводы. Во-первых, в последнее десятилетие потенциал культурного наследия для государственной внешней политики и международного управления наследием вызывает все больший интерес у исследователей из разных стран. На данный момент не выработано единого или устоявшегося определения дипломатии наследия. В более ранних исследованиях дипломатия наследия обычно связывалась с многонациональным сотрудничеством по международному управлению наследием в рамках ЮНЕСКО. Более поздние концепции дипломатии наследия расширились, включив в себя больше областей политики, например политика устойчивого развития. Во-вторых, понятие культурного наследия для международных культурных отношений стоит концептуализировать как процесс, ориентированный на настоящее и будущее, посредством которого реальности конструируются из выбранных элементов прошлого. В-третьих, политическое измерение культурного наследия функционирует как арена для проявления, так и для обсуждения (диссонирующих) смыслов, ценностей и идентичностей.

Ключевые слова: «мягкая» сила, «геокультурная» сила, культурное наследие, дипломатия наследия, культурная дипломатия, дипломатия, международные отношения, ЦУР, ЮНЕСКО.

DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-4-473-479

Ссылка на статью:

Табаринцева-Романова К.М. Концептуализация защиты культурного наследия как инструмента «мягкой» силы // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 4. С. 473–479. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-4-473-479>

Введение

Современные межкультурные отношения характеризуются наличием универсального ядра, а именно – наличием универсальных ценностей, принципами сотрудничества и, по возможности, взаимного доверия. Таким консолидирующим элементом становится охрана и защита культурного наследия. Также это обусловлено сходством европейских подходов к культурным отношениям и к защите наследия.

Несмотря на значимость культуры для мирового сообщества (о чем свидетельствует рост различного рода международных и региональных организаций, фондов, НПО в области развития культуры), в Повестке дня ООН на период до 2030 г. нет конкретной цели в области культуры: она официально не признана наряду с тремя столпами устойчивого развития — социальным, экономическим и экологическим. В сентябре 2023 г. была принята Нью-Делийская декларация лидеров G20, где в пункте, озаглавленном «Культура как преобразующий фактор достижения ЦУР», отмечается важность культурных ценностей. Мировые лидеры признали креативную экономику двигателем инклюзивного роста и призвали включить вопрос о культуре в глобальную повестку дня в области развития на период после 2030 г. Особо была подчеркнута роль культуры в решении современных проблем и содействии многостороннему сотрудничеству, социальной сплоченности и устойчивому развитию [9]. Предложенные рекомендации направлены на то, чтобы ЦУР были более доступными для сектора культуры: они должны быть включены в реализацию культурных инициатив, основанных на местных потребностях. В исследовании «Культура и международное развитие: на пути к междисциплинарной

методологии», проведенным профессором Школы политики и управления Университета Дж. Мейсона США Дж. П. Сингхом по заказу Британского совета, рекомендуется использовать инклюзивный подход, вовлекающий сообщества и местных субъектов в решение межсекторальных потребностей и создание экосистем для обеспечения устойчивости. В нем также содержится призыв сосредоточить внимание на цифровых технологиях для повышения осведомленности и более четкого реагирования сектора культуры на чрезвычайную климатическую ситуацию [12]. Так, отмечается, что за последние десятилетия культура получила признание в рамках международного диалога об устойчивом развитии, при этом особое внимание уделяется концепции устойчивости, ее положительному влиянию на отдельных людей и сообщества, а также как ее способности вносить вклад в более широкие социальные и экономические аспекты развития. Такой своего рода ревизионистский подход к культуре и повышенный исследовательский рост к секьюритизации культурного предполагает пересмотр концепта защиты культурного наследия.

Методологические предпосылки исследования

Культурное наследие в дискурсе международных отношений принято изучать, опираясь на теорию «мягкой» силы Дж. Ная. Напомним, что данная концепция строится на привлекательности ценностей и культуры одного государства для общества другого государства, что позволяет «мягко» влиять и повышать международный имидж «привлекательной» страны. В данном случае при исследовании концепта культурного наследия мы предлагаем также использовать теорию секьюритизации, поскольку она позволяет сделать вывод о том, что культура становится не только политическим, но и «военным» инструментом в международной повестке. Как отмечено в докладе Северного центра культурного наследия и вооруженных конфликтов (СНАС)¹, конкурирующие державы, государства и негосударственные субъекты сегодня все чаще используют социальную силу культурных ценностей для демонстрации морального превосходства, внушения страха, провокации, дестабилизации сообществ и наций, эскалации напряженности и конфликтов, а также для реструктуризации культурного измерения геополитических порядков. Незаконное присвоение, манипулирование, уничтожение и эксплуатация культурных ценностей могут использоваться и используются в качестве элемента гибридной войны в когнитивной области для создания политических, стратегических или тактических эффектов в поддержку политических целей [3]. Как отмечает российский исследователь Ю. В. Воробьева, «секьюритизация всемирного культурного наследия – это целенаправленный процесс включения рядом акторов вопросов защиты объектов всемирного культурного наследия в повестку дня по обеспечению международной безопасности» [1. С. 156]. Этот процесс происходит путем формирования секьюритизирующего наследия человечества дискурса, в котором указывается срочность и неотложность спасения объектов культурного наследия, используются лексемы, относящиеся к сфере безопасности, такие как «культурная чистка», «военное преступление», «культурный терроризм» и предлагается адаптация чрезвычайных мер, выходящих за рамки традиционных разработанных процедур [1. С. 156].

Еще одним методологическим основанием может служить концепция «геокультурной» силы. Т. Винтер, профессор Университета Западной Австралии, автор книги «Геокультурная власть», подчеркивает, как ряд стран, включая Иран, Шри-Ланку, Кению, Малайзию, Индонезию, Пакистан и другие, пересматривают свою историю, чтобы найти точки соприкосновения между дипломатией и культурными ценностями (ярким примером является идея Шелкового пути) [1]. Как отмечает С. Анхольт, специалист по управлению и измерению национальной идентичности и репутации, официальное продвижение культурного наследия демонстрирует, какие ценности страны хотят поддерживать; это национальный брендинг, который является формой скоординированной коммуникации и взаимодействия с остальным миром для управления имиджем страны [2]. В литературе по культурному участию и развитию приписывается множество ценностей, выходящих за рамки экономических. Они могут варьироваться от экономической ценности культурной деятельности до историческую, религиозную, внутреннюю ценность искусства для сообществ. Выделяются различные типы культурных ценностей: эстетическая ценность или свойства красоты или искусства, присущие культуре; духовная ценность

¹ Независимая международная исследовательская организация, которая помогает международным организациям, правительствам, военным организациям и музеям разработать более эффективные подходы к повышению роли культурного наследия в вооруженных конфликтах.

или ценность для религиозной группы; социальная ценность, выраженная в терминах идентичности и местоположения; историческая ценность, отражающая культуру во времени; символическая ценность как источник репрезентативного значения; ценность подлинности, присущая оригинальному производству [12]. Информирование о наследии может быть использовано как инструмент для «завоевания» симпатии и поддержки международной аудитории. Так, Т. Винтер предлагает использовать термин «дипломатия наследия», чтобы подчеркнуть связи между наследием, формированием идентичности и международным позиционированием. Он предлагает использовать такой способ подачи информации как «стратегический нарратив», укрепляющий внешнеполитический образ государства. Таким образом, на основе данной теории выделяется отдельное внешнеполитическое направление – дипломатия культурного наследия, при определении которой выделяются два подхода. Первый связан с международной практикой охраны культурного наследия и всеми теми мероприятиями, которые правительства проводят в рамках своей стратегии «мягкой» силы. Здесь мы можем провести параллель с теми институтами культурной дипломатии, которые возникли по всему миру в последние десятилетия. Академические или аналитические центры склонны рассматривать «культурную дипломатию как инструмент государственной политики и, таким образом, обсуждать ее с точки зрения стратегии, тенденций, инноваций или, возможно, более высоких целей мира и примирения. Дипломатию наследия можно рассматривать, таким образом, либо как отдельную область, либо как подобласть культурной» [15]. Второй подход связан с определением наследия как социально-политического процесса, который кодифицирует и упорядочивает, сохраняет и экспонирует, реконструирует и служит средством, «с помощью которого идеологии продвигаются вперед». Таким образом, как мы видим, трансформация концепта культурного наследия в международном политологическом дискурсе связана с переосмыслением связи культурных ценностей (включая и сами объекты непосредственно), власти и дипломатии. Также нельзя забывать о влиянии на расширение изучаемого концепта ЦУР и цифровизации.

Участие ЮНЕСКО в концептуализации культурного наследия

Стоит отметить, что ЮНЕСКО сыграла решающую роль в продвижении и пропаганде культуры как важного аспекта устойчивого развития, смещая международный дискурс с экономического развития на социальные и экологические аспекты. Например, «Конвенция о защите и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» 2005 г. стала первым нормативным документом, который связал культуру и устойчивое развитие в основе прав и обязанностей сторон. ЮНЕСКО уже давно утверждает, что стратегии достижения устойчивого развития должны быть ориентированы на людей, при этом культура ключевой фактор участия, собственности и творчества людей. Так, в Глобальном докладе о культуре в интересах устойчивого городского развития (2016 г.) исследуется роль культуры для устойчивого городского развития, анализируются тенденции, угрозы и возможности для культуры в различных регионах; изучается глобальная картина сохранения городского наследия наряду с продвижением культурных и креативных индустрий как основы устойчивого развития в городах. Отмечается, что «охраняя культурное наследие во всех его формах, как материальных, так и нематериальных; содействие разнообразию форм культурного самовыражения; обеспечение доступа к культурным пространствам, инфраструктуре и учреждениям; и защищая права всех народов наслаждаться своей культурой и делиться ею без страха, люди по праву находятся в центре местных и национальных стратегий устойчивого развития» [6]. Как подчеркивается в Глобальном докладе ЮНЕСКО за 2018 г. «Изменение политики в области культуры», многие страны начали рассматривать культуру как актив в борьбе с искоренением бедности, решении проблем социальной интеграции и неравенства, а также обеспечении экономического роста. Несмотря на то, что несколько международных программ устойчивого развития включают культуру в качестве основной области деятельности, доля помощи в целях развития, расходуемой на культуру и отдых, находится на самом низком уровне за последние 10 лет. 86 % стран, принявших национальный план или стратегию развития, включили в эти документы культурное измерение: две трети из них – страны глобального Юга. Тем не менее, эти же страны признают культуру, прежде всего, как инструмент для достижения экономических или социальных результатов [11]. Культура может не только обновлять и создавать экономические возможности, но также может стимулировать инновации, предпринимательство и занятость. Расширение торговли культурными товарами и услугами укрепляет местные и национальные рынки и может способствовать расширению прав и возможностей всех людей, независимо от возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии или экономического статуса.

Несмотря на эти незначительные достижения, организации, участвующие в кампании «Будущее, которое мы хотим, включает в себя культуру», выразили обеспокоенность тем, что документ Повестки дня на период до 2030 г. не обеспечивает полного понимания и подтверждения важности культуры для устойчивого развития. Хотя документ включает в себя некоторые ссылки на культурные аспекты, он не в полной мере принимает во внимание доказательства положительной роли культуры в развитии, собранные международным сообществом за последние два десятилетия [4]. С этой целью ЮНЕСКО подготовила в 2012 г. тематическую аналитическую статью, подчеркивающую, что культурное наследие, культурные и творческие индустрии, «устойчивый культурный» туризм и культурная инфраструктура могут быть не только движущими силами экономического роста; но они также могут привести к социальным и экологическим выгодам, таким как: повышение социальной инклюзивности, устойчивости, инноваций, творчества и предпринимательства для отдельных лиц и сообществ за счет использования местных ресурсов, навыков и знаний [5]. ЮНЕСКО провела серию конференций, в результате которых делегаты пришли к выводу, что повестка дня на период после 2030 г. должна включать конкретную цель, ориентированную на культуру, сопровождаемую соответствующими задачами и показателями. Промежуточным результатом такой деятельности стало принятие Флорентийской декларации. В Декларации подчеркивается вклад культуры и культурных индустрий как источников творчества и инноваций для устойчивого развития, а также важность измерения воздействия культуры и творчества на устойчивое развитие. В ней признается культура как фактор, способствующий устойчивому развитию, и излагается ряд целей и показателей вклада культуры, которые должны быть включены в цели на период после 2030 г. по сокращению бедности, устойчивым городам и урбанизации, образованию, окружающей среде и изменению климата, гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин, социальной интеграции и примирению [8].

В 2019 г. Генеральная Ассамблея ООН и ЮНЕСКО провели дебаты на высоком уровне по вопросам культуры и устойчивого развития в Нью-Йорке. Целью мероприятия было подчеркнуть связь между культурой и экологическими проблемами, обсудить роль культуры в достижении ЦУР и продемонстрировать, как культура, художественное образование и творческие индустрии способствуют развитию.

В последние годы были предприняты интенсивные усилия со стороны ЮНЕСКО и ряда региональных и глобальных организаций интегрировать культуру в ЦУР. В сфере культуры была разработана кампания #cultural2015goal с участием ряда европейских и международных культурных организаций и аналитических центров (недавно кампания была возобновлена и переименована в #cultural2030goal). Был подготовлен отчет «Культура в реализации Повестки дня на период до 2030 г., включающий ключевые сообщения и рекомендации о роли, которую культура играет (и должна играть) в реализации ЦУР. По сравнению со своими предшественниками, Целями развития тысячелетия (ЦРТ), ЦУР представляют собой значительный шаг вперед в отношении признания роли культуры в процессах развития. Обращают на себя внимание следующие элементы:

– в преамбуле говорится о необходимости уважать культурное разнообразие (пункт 8) и об обязательствах государств-членов способствовать межкультурному пониманию, терпимости и взаимному уважению, признавая при этом естественное и культурное разнообразие мира и признание того, что все культуры и цивилизации могут способствовать устойчивому развитию и являются его решающими факторами (пункт 36). Другие аспекты, выделенные в преамбуле, такие как концепция обеспечения мира всеобщей грамотности (пункт 7), также имеют важное значение для облегчения доступа к культуре и содействия культурному взаимопониманию;

– задача 2.5 касается необходимости обеспечить «доступ и справедливое, равноправное распределение выгод, возникающих в результате использования генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний», для достижения цели искоренения голода и достижения продовольственной безопасности;

– задача 4.7 подчеркивает необходимость образования для продвижения «культуры мира и ненасилия, глобальной гражданственности и признания культурного разнообразия и вклада культуры в устойчивое развитие»;

– задача 8.3 предполагает, что «творчество и инновации» следует поощрять посредством политики, ориентированной на развитие, наряду с производственной деятельностью, созданием достойных рабочих мест и предпринимательством;

– задачи 8.9 и 12.b относятся к необходимости разработки и реализации «политики содействия устойчивому туризму, в том числе посредством местной культуры и продуктов», а также к необходимости разработки подходящих инструментов мониторинга в этой области;

– задача 11.4, единственная задача, посвященная культурной теме, подчеркивает необходимость «активизировать усилия по защите и сохранению мирового культурного и природного наследия» в контексте цели 11 «сделать так, чтобы города и населенные пункты инклюзивные, безопасные, жизнестойкие и устойчивые»;

– задача 16.4 касается необходимости «усилить поиск и возвращение украденных активов», а задача 16.10 обязуется обеспечить «общественный доступ к информации и защиту основных свобод», что должно включать признание важности библиотек, архивов и других учреждений культуры.

В свою очередь, Комитет по делам культуры Совета Европейского союза одобрил Резолюцию о культурном измерении устойчивого развития, где признается, что культура является важным фактором устойчивого развития, и утверждается, что союз и его государства-члены «будут способствовать межкультурному диалогу, сотрудничеству и культурному разнообразию, а также будут защищать культурное наследие, стимулировать культурную и творческую индустрию и будут поддерживать культурную политику там, где она поможет достичь устойчивого развития» [7].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) создала группу по культуре и местному развитию в рамках Центра предпринимательства, малого и среднего бизнеса, регионов и городов (CFE). В декабре 2018 г. они провели первую Международную конференцию «Раскрытие преобразующей силы культуры и творчества для местного развития» в партнерстве с Европейской комиссией, ЮНЕСКО, Фондом Венеции, (ключевые партнеры), Британским Советом, CoopCulture, Европейской сетью творческого бизнеса — ЕБРР и Международным советом музеев — ИКОМ (партнеры). Основные темы конференции были сосредоточены вокруг роли творчества и культуры в экономическом росте, благосостоянии, социальной интеграции и гражданской активности. Основное внимание уделялось сбору данных, созданию рабочих мест, развитию навыков, оценке культурного наследия, стимулированию инноваций и поиску цифровых решений.

Выводы

С одной стороны, объекты культурного наследия представляют собой культурные нормы и практики, имеют национальное значение и привлекают иностранную аудиторию. С другой стороны, их ценность создана «искусственно» – государства стремятся продвигать объекты как «обязательные к посещению», создавая таким образом своего рода центры притяжения и особого внимания. С этой точки зрения список наследия ЮНЕСКО превращается в международную платформу, где страны стремятся достичь мирового признания и повысить репутационный капитал за счет объектов национального наследия. Не стоит забывать о том, что решение государства оказать помощь в сохранении наследия и сотрудничать с ЮНЕСКО по вопросам сохранения наследия и управление им – это тоже внешнеполитический акт, направленный на повышение авторитета государства.

Выгоды от использования бренда «объект культурного наследия» являются как внутренними, так и внешними. По своей природе наследие является важнейшим компонентом государственного «строительства». Как указывает Р. Накано, «нация» является воображаемым продуктом различных экономических, политических и культурных практик институционализации и кодификация прошлого, такие как создание музеев, культурных объектов и школьных учебников, играющих ключевую роль в развитии национального государства и национальной идентичности [10].

Однако глобализация негативно отразилась на национальной идентичности – привела к ее «размыванию», поэтому восстановление национального прошлого и национальный брендинг приобретают особую значимость для «завоевания лояльности своих граждан» [13]. Таким образом, концептуализация всемирного наследия служит инструментом как для формирования внутренней идентичности, так и для повышения национального авторитета и привлекательности для внешнего мира.

Критичным выглядит европоцентричный подход к сохранению культурного наследия (большинство памятников ЮНЕСКО находятся в Европе). Так, например, Китай и Япония предложили свои подходы, подчеркнув особый характер азиатского культурного наследия.

Так, культурное наследие является достаточно эффективным инструментом «мягкой» силы, формирующим определенную форму и смысл «общечеловеческого прошлого». Однако может возникнуть «борьба за наследие»: что является культурным наследием, кому оно принадлежит (если речь идет о спорных территориях), также встает вопрос о переосмыслении взаимосвязи культурного наследия и власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева Ю.В. Роль Совета Безопасности ООН в секьюритизации всемирного культурного наследия // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(2). С. 154–170. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-154-170>
2. Anholt S. *Places: Identity, Image and Reputation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2010. 168 p.
3. Cultural Property: A Hybrid Threat Issue. URL: <https://www.heritageconflict.org/blog/2021/3/8/cp-hybrid> (дата обращения: 10.09.2023).
4. Culture in the implementation of the 2030 agenda: a report by the culture 2030 goal campaign. URL: https://ifacca.org/media/filer_public/6d/48/6d488506-054a-45ce-90b1-c5ff9497c53d/culture_in_the_implementation_of_the_2030_agenda_low_res.pdf (дата обращения: 03.09.2023).
5. Culture: at the heart of SDGs // UNESCO. – URL: <https://en.unesco.org/courier/april-june-2017/culture-heart-sdgs> (дата обращения: 03.09.2023).
6. Culture: urban future; global report on culture for sustainable urban development // UNESDOC. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245999> (дата обращения: 31.08.2023).
7. Draft Resolution of the Council of the European Union and the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the Council on the Cultural Dimension of Sustainable Development // CONSILIUM.EUROPA. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13336-2019-INIT/en/> (дата обращения: 10.09.2023).
8. Florence Declaration: Culture, Creativity and Sustainable Development: Research, Innovation, Opportunities // UNESDOC. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000230394> (дата обращения: 10.09.2023).
9. G20 New Delhi Leaders' Declaration. URL: https://www.g20.org/content/dam/gtwenty/gtwenty_new/document/G20-New-Delhi-Leaders-Declaration.pdf (дата обращения: 29.09.2023).
10. Nakano R., Zhu Y. Heritage as soft power: Japan and China in international politics // *International Journal of Cultural Policy*. 2020. Pp. 1-13. DOI: 10.1080/10286632.2020.
11. Reshaping cultural policies: advancing creativity for development, 2005 Convention global report, 2018. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260592> (дата обращения: 31.08.2023).
12. Singh J.P. Culture and International Development: Towards an interdisciplinary methodology. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/final_manuscript_cultureintldev.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
13. Van Ham P. Place Branding: The State of the Art // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. № 616 (1). Pp. 126–149. DOI: 10.1177/0002716207312274
14. Winter T. Heritage diplomacy // *International Journal of Heritage Studies*. 2015. № 21:10. Pp. 997–1015. DOI: 10.1080/13527258.2015.1041412
15. Winter T. Heritage diplomacy // *International journal of cultural policy*. 2023. № 1. Pp. 130–134. DOI.org/ 10.1080/10286632.2022.2141728

Статья поступила в редакцию 29.09.2023
 Передана на рецензирование 30.09.2023
 Рекомендована к публикации 20.10.2023

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна, кандидат филологических наук,
 доцент кафедры теории и истории международных отношений
 ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
 E-mail: kmromanova@mail.ru

К.М. Tabarintseva-Romanova

CONCEPTUALIZATION OF CULTURAL HERITAGE PROTECTION AS A SOFT POWER INSTRUMENT

DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-4-473-479

The article examines the “transformation” of the concept of “protection of cultural heritage” in the context of current international relations. The development in modern political science discourse of such theories as securitization of cultural heritage, “geocultural” power, and diplomacy of cultural heritage allows us to talk about a change, or rather, an expansion of the meaning of the term field “protection of cultural heritage.” Based on an analysis of scientific works devoted to the study of the role of cultural heritage in international political processes, as well as specialized UNESCO reports on the connection between the UN sustainable development goals and culture in general, and reports of some specialized structures (for example, the British Council), the following conclusions can be drawn. First, in the last decade, the potential of cultural heritage for state foreign policy and international heritage management has attracted in-

creasing interest among researchers from different countries. At the moment, there is no single or established definition of heritage diplomacy. In earlier studies, heritage diplomacy has generally been associated with multinational cooperation in international heritage management within the framework of UNESCO. More recent concepts of heritage diplomacy have expanded to include more policy areas, such as sustainable development policy. Secondly, the concept of cultural heritage for international cultural relations should be conceptualized as a present- and future-oriented process through which realities are constructed from selected elements of the past. Thirdly, the political dimension of cultural heritage acts as an arena for the manifestation and negotiation of (dissonant) meanings, values and identities.

Keywords: “soft” power, “geocultural” power, cultural heritage, heritage diplomacy, cultural diplomacy, diplomacy, international relations, SDGs, UNESCO.

REFERENCES

1. Vorob'yova Yu.V. Rol' Soveta Bezopasnosti OON v sek'yuritizatsii vseirnogo kul'turnogo naslediya [The role of the UN Security Council in the securitization of world cultural heritage] // Problemy postsovetского prostranstva. 2020. № 7(2). Pp. 154–170. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-154-170>. (In Russian).
2. Anholt, S. Places: Identity, Image and Reputation. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2010. 168 p.
3. Cultural Property: A Hybrid Threat Issue. URL: <https://www.heritageconflict.org/blog/2021/3/8/cp-hybrid> (accessed 10.09.2023).
4. Culture in the implementation of the 2030 agenda: a report by the culture 2030 goal campaign // URL: https://ifacca.org/media/filer_public/6d/48/6d488506-054a-45ce-90b1-c5ff9497c53d/culture_in_the_implementation_of_the_2030_agenda_low_res.pdf (accessed 03.09.2023).
5. Culture: at the heart of SDGs // UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/courier/april-june-2017/culture-heart-sdgs> (accessed 03.09.2023).
6. Culture: urban future; global report on culture for sustainable urban development // UNESDOC. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245999> (accessed 31.08.2023).
7. Draft Resolution of the Council of the European Union and the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the Council on the Cultural Dimension of Sustainable Development // CONSILIUM.EUROPA. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13336-2019-INIT/en/> (accessed 10.09.2023).
8. Florence Declaration: Culture, Creativity and Sustainable Development: Research, Innovation, Opportunities // UNESDOC. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000230394> (accessed 10.09.2023).
9. G20 New Delhi Leaders' Declaration. URL: https://www.g20.org/content/dam/gtwenty/gtwenty_new/document/G20-New-Delhi-Leaders-Declaration.pdf (accessed: 29.09.2023).
10. Nakano R., Zhu Y. Heritage as soft power: Japan and China in international politics // International Journal of Cultural Policy. 2020. Pp. 1-13. DOI: 10.1080/10286632.2020.
11. Reshaping cultural policies: advancing creativity for development, 2005 Convention global report, 2018 // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260592> (accessed 31.08.2023).
12. Singh, J.P. Culture and International Development: Towards an interdisciplinary methodology // https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/final_manuscript_cultureintldev.pdf (accessed 10.09.2023).
13. Van Ham P. Place Branding: The State of the Art // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. № 616 (1). Pp. 126–149. DOI:10.1177/0002716207312274
14. Winter T. Heritage diplomacy // International Journal of Heritage Studies. 2015. № 21:10. Pp. 997–1015. DOI: 10.1080/13527258.2015.1041412
15. Winter T. Heritage diplomacy // International journal of cultural policy. 2023. № 1. Pp. 130–134. DOI.org/10.1080/10286632.2022.2141728

For citation:

Tabarintseva-Romanova K.M. Conceptualization of cultural heritage protection as a soft power instrument // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2023. Vol. 7, iss. 4. P. 473–479. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-4-473-479> (In Russ.).

The article was received by the editorial office on 09.29.2023

Submitted for review on 09.30.2023

Recommended for publication on 10.20.2023

Tabarintseva-Romanova K.M., Candidate of Philology,
Associate Professor at Department of Theory and History of International Relations
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Mira st., 19, Yekaterinburg, Russia, 620002
E-mail: kmromanova@mail.ru